

мецкихъ народовъ, а Русь была соединена съ Польшею: естественно было Руси стремиться къ равной образованности съ Польшею, и вотъ Польша скоро охватила Русь своимъ вліяніемъ нравственнымъ и умственнымъ. Короли Ягайловой крови, будучи чужеродцами въ Польшѣ, подчинились перевѣсу послѣдней. Еще Сигизмундъ I, по свидѣтельству стариковъ, съ умиленіемъ воспоминавшихъ о немъ чрезъ долгія времена послѣ его смерти, вѣренъ былъ литовско-русскому происхожденію своихъ предковъ, нѣмцевъ не терпѣлъ какъ собакъ, ляховъ не любилъ за ихъ хитрости, но любилъ за то сердечно Русь и Литву. Не такого отзыва заслужилъ отъ тѣхъ же стариковъ сынъ его Сигизмундъ-Августъ. „Его“—говорили они—„и между добрыми людьми считать не нужно. Онъ полюбилъ нѣмчину болѣе насъ; что наши старые короли собирали, то новые—и онъ первый между ними—нѣмцамъ раздали“¹⁾. Что возбуждало въ старикахъ XVI вѣка одобреніе отзывовъ о Сигизмундѣ-Августѣ, то составляло общія черты дѣтей и внуковъ этихъ стариковъ. Русское дворянство изъ потребности просвѣщенія стало изъ всѣхъ силъ стараться быть похожимъ на польское и вмѣстѣ съ нимъ, въ извѣстныхъ, однако, отношеніяхъ, на нѣмцевъ, т. е. вообще на западныхъ европейцевъ. Поляки почуяли, что для нихъ въ Руси настанетъ время играть роль цивилизаторовъ и толпами стремились въ страну, гостепріимную для нихъ на столько, на сколько Польша была гостепріимною для западныхъ европейцевъ. Ляхъ для русскаго сталъ существомъ высшимъ, да и ляхъ началъ считать себя такимъ. Богатые паны—литовскіе и русскіе—завели у себя во дворахъ притоны для пришедшихъ ляховъ—цивилизаторовъ; одни служили у нихъ въ качествѣ *дворянъ* или оршака, другіе въ низшемъ качествѣ слугъ или *барвы*. Но слуга ляхъ далеко былъ не тотъ, что слуга русинъ или литвинъ. „Давай ему“—говорить преверженецъ старины²⁾—„фалендышевую сукню, корми его жирно и не спрашивай съ него никакой службы, только и дѣла у него, что убравшись пестро, на высокихъ каблучкахъ скачетъ около дѣвокъ, да трубитъ въ большой кубокъ съ виномъ. Панъ за столъ, а слуга себѣ за столъ; панъ за борщъ, а слуга за толстый кусокъ мяса; панъ за бутылку, а слуга за другую, а коли плохо ее держать, то изъ рукъ вырветъ“. Въ домашней жизни, въ пріемахъ обращенія, въ правахъ все, составлявшее признаки русской старины, становилось, по современнымъ тогдашнимъ понятіямъ, признаками грубости и невѣжества; все польское и западное служило вывѣскою образованности и хорошаго обращенія. Старинныя русскія однорядки и корзны показались безобразными и неудобными; ихъ стали замѣнять вычурные наряды, заимствованные поляками изъ Германіи, Венгріи, Испаніи и Италіи, подъ названіями цугъ, кабатовъ, страдетокъ, делій, китлей и проч., нарядовъ, до чрезвычайности разнообразныхъ по вкусу и прихоти каждаго, то длинныхъ до земли, то короткихъ немного ниже пояса, то совсѣмъ безъ воротниковъ, то съ такими огромными воротниками, что трудно было разобрать: воротникъ при-

¹⁾ Изъ рѣчи Мелешко, произнесенной на сеймѣ. См. № 46.

²⁾ Мелешко.

шить къ платью, или платью къ воротнику,—нарядовъ со множествомъ разнovidныхъ строчекъ и пуговокъ, вышивокъ, нашивокъ, кистей, бахромы, лентъ, плетениць, шнурковъ... кто гдѣ что подмѣтилъ, тотъ и наряжалъ себя такъ. У всѣхъ народовъ были національныя одежды, говорить современникъ, только у поляковъ ихъ не стало, и кто-то, рисуя народныя уборы, не нашелъ ничего умѣстнѣе для польскаго убора, какъ нарисовать поляка съ кускомъ ткани. Непристойнными для дворянскаго званія стали казаться старинныя помѣщенія русскихъ пановъ: то были деревянные дома, покрытые дубовою гонтою, съ огромными сѣнями по срединѣ и съ свѣтлицами по обѣ стороны сѣней, гдѣ по бѣлымъ стѣнамъ не было другихъ украшеній, кромѣ образовъ, гдѣ стояла зеленая поливаная печь, и не было иной мебели, кромѣ лавокъ вокругъ стѣнъ и простыхъ некрашенныхъ столовъ, покрытыхъ цвѣтными коврами. Старики любили жить просторно, но просто; у иного было на дворѣ нѣсколько небольшихъ домиковъ, но всѣ они блистали только опрятностью, а не богатствами. И вотъ стали возвышаться пышныя палацы, построенныя и убранныя во всевозможнѣйшихъ вкусахъ Европы. Уже не довольствовались русскіе дворяне угощать своихъ гостей борщемъ да кашами. У нихъ на пирахъ появились вычурныя выдѣлки львовъ, слоновъ, людей, деревьевъ, приготовленныя со всею хитростью западно-европейской поварни, чрезвычайно пестрыя, раскрашенныя, раззолоченныя и нездоровыя, тѣмъ болѣе, что, по замѣчанію современника, что готовилось въ пятницу, то подавалось на столъ въ воскресенье. Завѣтныя наливки на туземныхъ ягодахъ и прадѣдовскіе меды уступили мѣсто венгерскимъ и испанскимъ винамъ. Для панскихъ выѣздовъ начали служить роскошныя мудренныя коляски, лектики, брошки съ богатыми цвѣтистыми коврами, съ вышитыми бархатными подушками. Женщины, какъ всегда бываетъ въ такія времена, съ увлеченіемъ кидались на новизну, оставляли простымъ мѣщанкамъ дѣлашивать неуклюжіе русскіе лѣтники и опашни и стали прельщать сердца итальянскими и испанскими биретами, феретами, фалбанами, фордыгалами; по западному обычаю знатныя русскія пани стали ходить съ длинными хвостами, которые вели за ними мальчики. Сначала это возбуждало смѣхъ, но потомъ помирились и съ этимъ русскіе, объясняя себѣ, что того требуетъ хорошій тонъ и образованность.

Вся эта наружная пестрота была вывѣскою внутренняго переворота. Дворянская Русь чувствовала потребность воспитанія. Чтобы получить образованіе, нужно было или отдать дѣтей въ польское заведеніе, или держать въ домѣ учителей изъ поляковъ и иностранцевъ. Въ обоихъ случаяхъ молодой русинъ воспитывался въ ущербъ своей народности. Все, что составляло кругъ образованности: понятія о гражданственности, о правѣ, о литературѣ, о наукѣ, все принималось и все становилось въ противорѣчіе съ русскимъ житьемъ-бытьемъ. Языкъ южно-русскій подвергся сильному вліанію польскаго, и ему грозила впереди неминуемая гибель, ибо уже въ концѣ XVI вѣка самыя ревностныя русскіе говорили и писали по-польски больше и охотнѣе, чѣмъ на своемъ языкѣ. Этому способствовали браки; гдѣ только входила полька въ русскій домъ, за нею входилъ въ семью и получалъ господство польскій языкъ. Тогда былъ обычай у поляковъ: по окон-

чаніи ученія въ отечествѣ ѣздить для высшаго образованія на нѣсколько лѣтъ за-границу, слушать курсы въ заграничныхъ университетахъ и присматриваться къ быту образованныхъ народовъ. Русскіе паны послѣдовали тому же примѣру; для нихъ такіа путешествія были дальнѣйшимъ средствомъ къ утратѣ своей народности, потому что они, первоначально воспитанные по-польски, отправлялись за-границу уже не русскими а поляками.

Воспитываемые иностранцами, получивъ просвѣщеніе не въ своей сторонней формѣ, русскіе привыкли скоро видѣть во всемъ, что составляло сущность ихъ старой умственной жизни, противоположность просвѣщенію. Покинуты были родные обычаи, русскій образъ домашней жизни; измѣнялся и забывался родной языкъ. Оставалась только своя русская православная вѣра. По стеченію обстоятельствъ и она не сильна была устоять противъ рокового напора чужой цивилизаціи, ломавшей все русское, особенно если на нее покусится какая нибудь изъ западныхъ вѣръ, будь это католичество или протестанство.

Между тѣмъ высшіе духовные сановники русской церкви, находясь въ странѣ, соединенной политически съ католическою страной, принимали такіа черты, которыя были обычны въ средневѣковой исторіи западной церкви, но чужды и соблазнительны для православія. Происходя изъ дворянскихъ фамилій, они не отличались смиреніемъ и простотою древнихъ русскихъ пастырей и сохраняли подъ архіерейскою одеждою мірскія привычки. Въмѣсто того, чтобы сообразно православному обычаю, проходить въ монастырѣ долговременную школу воздержанія и поста, они получали мѣста не по испытаніи, а по связямъ и покровительству сильныхъ, часто посредствомъ подкупа расположивъ къ себѣ королевскихъ придворныхъ. По правиламъ святыхъ отецъ, епископы при избраніи должны были представлять свидѣтельство о своей достойности. „А за васъ кто свидѣтельствовалъ“? восклицаетъ современный обличитель: „Свидѣтельствовали о васъ румяные червонцы да бѣлые большіе талеры, да полуталеры, да орты, да четвертаки, да потройники, что вы давали знатнѣйшимъ секретарямъ и референдаріямъ, лъстцамъ и тайнымъ шутамъ его королевскаго величества, и они свидѣтельствовали, что вы достойны панствовать и своевольствовать надъ имѣніями и селами, принадлежащими къ епископскимъ... Завернете въ бумажки червончики; тому въ руку сунете, другому сунете;... мѣшечки съ талерами тому, другому, третьему... кому поважнѣе; а писари не гнушаются и потройниками, да грошами, берутъ и дерутъ: вотъ ваши ходатаи!“! Архіереи вступали въ духовное званіе только для приличія и тотчасъ же производились въ званіе іерарховъ, управляли церковными имѣніями со всѣми правами и проявленіями свѣтскаго суда и свѣтскаго произвола; подобно старостамъ, держали у себя толпы слугъ и вооруженные отряды, и не рѣдко дѣлали на сосѣдей наѣзды, по обычаю свѣтскихъ владѣтелей, которые, въ случаѣ ссоръ, позволяли себѣ самоуправства. Нравственность ихъ не внушала уваженія.

Безпорядки въ церковномъ строѣ увеличивались отъ произвольнаго вмѣшательства свѣтскихъ лицъ. До чего доходило своевольство старость можетъ служить образчикомъ вражда Кириллы Терлецкаго съ луцкимъ старостою. Поссорившись съ епископомъ, староста не

пускалъ его служить въ соборную церковь, стоявшую въ замкѣ, въ великіе дни страстной субботы и пасхи, для потѣхи завелъ музыку въ церковныхъ притворахъ, а своевольные гайдуки его стрѣляли въ церковный куполь.

Состояніе низшаго духовенства было плачевно. Владыки обращались съ нимъ грубо, облагали налогами въ свою пользу, наказывали тюремнымъ заключеніемъ и побоями, не давая никому отчета. Изъ монастырей, приписанныхъ къ архіерейскимъ кафедрѣмъ, владыки подѣляли себѣ хутора и содержали тамъ псарни. Духовные терпѣли отъ произвола старостъ и владѣльцевъ тѣхъ имѣній, гдѣ были ихъ приходы. Пантъ заставлялъ приходскаго священника ѣхать съ подводами, беретъ въ услуженіе его сына, забавляется надъ нимъ и надъ его семьею, и, по произволу, угнетаетъ налогами наравнѣ съ своимъ холопомъ. Въ особенности состояніе духовныхъ было подвержено лишеніямъ тамъ, гдѣ пантъ былъ католикъ или протестантъ. Тамъ помѣщики облагали самое богослуженіе пошлинами; такъ, священники должны были платить по 2 и по 4 (если онъ протопопъ) золотыхъ. Этого, говоритъ современникъ, не несли ни жидовскія синагоги, ни татарскія мечети. Иной русскій, обратившись въ протестантство, изъ фанатизма уничтожалъ церковь вовсе, а зданіе, гдѣ она находилась, обращалъ въ хлѣвъ.

Негдѣ было священникамъ пріобрѣтать воспитаніе, приличное ихъ званію; они оставались въ крайнемъ невѣжествѣ, и не могло быть рѣчи о поученіи народа. Одинъ изъ современниковъ выражается въ такихъ чертахъ о невѣжествѣ духовенства какъ высшаго, такъ и низшаго ¹⁾: „Нѣкоторые изъ нашихъ пастырей разумаго стада Христова едва достойны быть пастухами ослонъ! Не пастыри они, а волки хищные, не вожди ихъ начальники, а львы голодные, пожирающіе овецъ своихъ. О, несчастное стадо! какъ можетъ быть учителемъ такой пастырь, который самъ ничему не учился и не знаетъ, чѣмъ онъ обязанъ Богу и ближнему, когда онъ съ дѣтскихъ лѣтъ занимался не изученіемъ св. писанія, а несвойственными духовному званію занятіями: кто изъ корчмы, кто изъ панскаго двора, кто изъ войска, кто проводилъ время въ праздности, а когда не стало на что ѣсть и во что одѣться, а нужда ему шею согнула, тогда онъ начинаетъ благовѣтствовать, а самъ не смыслить, что такое благовѣтствованіе и какъ за него взяться. Церковь наша наполнена на духовныхъ мѣстахъ мальчишками, недоростками, грубиянами, нахалами, гуляками, обжорами, подлипаками, ненасытными сластолюбцами, святопродавцами, несправедливыми судьями, обманщиками, фарисеями, коварными іудеями“!

При такомъ состояніи духовенства простой народъ только по имени былъ христіанскимъ; а были такіе, что безъ крещенія оставались во всю жизнь. Народъ жилъ своею старою жизнью, нераздѣльно отъ природы, безъ первоначальныхъ понятій о сущности христіанской религіи. Во дворянствѣ греческой вѣры развилась холодность къ

1) Орінось. (Мелетій Смотрицкій).

отцовской религіи, переходившая часто и скоро въ убѣжденіе о превосходствѣ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: православная церковь безпрестанно теряла своихъ членовъ дворянскаго происхожденія. Во время Сигизмунда-Аввуста, когда въ Польшѣ и Литвѣ распространилась реформація, многіе покидали вѣру отцовъ и принимали кальвинство или аріанство, другіе хотя явно не переходили въ иновѣрство, но оставались безъ всякой сердечной и нравственной связи съ своею вѣрою и почти также были ей чужды, какъ и перешедшіе въ другую; коль скоро русскій шляхтичъ получилъ воспитаніе или даже только воображалъ себя воспитаннымъ, у него понятія и чувства обращались къ иному міру, и онъ старался быть чуждымъ православію. Съ тѣхъ поръ, какъ іезуиты накинута на Рѣчь-Посполитую свою католическую сѣть, русскіе стали переходить въ католичество. Протестантство и католичество, то и другое угрожало православію; и, правду сказать, прежде чѣмъ іезуиты не взяли господства надъ протестантствомъ, послѣднее для православія было опаснѣе католичества.

Въ южной Руси отцу семейства невозможно было найти учителя, который бы преподавалъ законъ Божій и первоначальныя свѣдѣнія, и родители поневолѣ поручали воспитаніе дѣтей иновѣрцамъ, а тѣ, по духу прозелитизма, общему тогда всѣмъ толкамъ, старались воспитанникамъ внушить предпочтеніе чужой вѣры. Острожскій завелъ у себя школу, типографію и побуждалъ всѣхъ православныхъ дворянъ дѣлать тоже. Но мало было охотниковъ слѣдовать его примѣру, да и трудно было. Учителей негдѣ было набирать на всю Русь. Своихъ нѣтъ; съ востока также получить нельзя было; въ московщинѣ тоже невѣжество; а приглашать иновѣрцевъ—значило губить вѣру. Естественно было поддаваться іезуитскимъ внушеніямъ и приходиться невольно къ мысли о соединеніи съ римскою церковью.

46. Рѣчь каштеляна Смоленскаго Ивана Мѣлешка на сеймѣ 1589 г. ¹⁾

(Изъ соч. Павлицева: „Польская анархія“).

Всепресвѣтлѣйшій, милостивѣйшій король и милостивые мои братья!
Выѣхавъ изъ дома, молилъ я Бога пріѣхать къ вамъ здоровымъ и найти и привѣтствовать васъ въ добромъ здравіи. Надо мнѣ съ вами посовѣтоваться, а я на подобныхъ сѣздахъ никогда не бывалъ и съ ихъ величествами королями никогда не засѣдалъ, потому что при покойныхъ нашихъ великихъ князьяхъ литовскихъ не бывало сентенцій: просто отъ чистаго своего сердца они говорили ((howogyli), политики не вѣдали, и въ глаза высказывали золотую правду; если же кто либо изъ нихъ и пошутилъ, то безъ злого умысла; но коль скоро короли полюбили нѣмцевъ болѣе нежели насъ, то все, что собрали

¹⁾ Смоленскъ тогда принадлежалъ Россіи, но поляки и послѣ потери городовъ и областей продолжали величаться почетными титулами; такъ, были потому воеводы черниговскіе и кіевскіе, безъ Чернигова и Кіева, имъ не принадлежавшихъ.